

Российский флот и патронат «с немецким лицом»: модель Крузенштерна¹

В России, где все является делом интриги и окутано тайной, где солнце гласности освещает лишь результаты, никогда не проникая до причин, репутация человека в меньшей степени зависит от него самого, чем от тех, кто берется в том ему содействовать.

Н. Тургенев. Воспоминания изгнаника.

Вы примерный отец семейства, войдите в мое положение. Нежные чувствования, свойственные душе вашей, и истинно отеческое попечение в детях, нам совершенно чужды...

Из письма Крузенштерна.

Система патроната и флотский мир

В марте 1842 г. пятнадцатилетний барон Константин фон Унгерн-Штернберг, сын подполковника, командира 3-го ластового экипажа Петра фон Унгерн-Штернберга, был исключен из списка воспитанников Морского корпуса в Санкт-Петербурге с заключением «для пользования от помешательства ума»². Причиной тому послужил рапорт корпусного врача Адольфа Вальтера, засвидетельствовавшего у юноши припадок белой горячки. «После продолжавшейся несколько времени задумчивости, — описывал суть произошедшего врач, — вдруг сделался весьма беспокойным, без всякой заметной причины, провел ночь на

¹ Работа была выполнена при поддержке Фонда Тиссена (Германия). Автор признателен Б.Н. Комиссарову и М.Ю. Катин-Ярцеву за предоставленные материалы.

² РГАВМФ. Ф. 432, оп. 1, д. 3191, л. 1.

16-е число без сна, начал бредить и в бреду вставал с постели и тревожил других кадет. В течение 16 числа развились в нем явственные причины раздраженного состояния мозга³. Больного направили на излечение в Больницу всех скорбящих, а в связи с помешательством ума «исключили вовсе» из Корпуса.

Через несколько недель пребывания молодого человека в больнице мать бывшего кадета, крайне обеспокоенная судьбой сына, попыталась забрать его из больницы и «поскорее домой привести, иначе он, — по ее словам, — совершенно с ума сойдет между сумасшедшими»⁴. Эта попытка натолкнулась на неожиданное препятствие совершенно формального, казалось бы, свойства. Управление больницей потребовало представить официальное заключение из Морского корпуса, «что он не кадет, одним словом, его отставки». И соответствующая бумага от 19 мая 1842 г. за подписью исправлявшего должность директора контр-адмирала Н.П. Римского-Корсакова была представлена; она гласила, что Константин фон Унгерн-Штернберг «исключен из числа воспитанников». Аттестат же со свидетельством о причине увольнения был утерян и, как оказалось, не случайно. Вскоре выяснилось, что содержание записанного в нем исключало возможность военной карьеры. В утерянном аттестате причиной увольнения было названо «помешательство ума» — для дальнейшей карьеры и службы офицера подобная формулировка означала конец всем надеждам. Семья уволенного кадета предприняла все усилия, дабы изменить форму записи в аттестате. То, как взялась за дело вдова фон Унгерн-Штернберга⁵, достаточно показательно, если рассматривать ее действия с точки зрения «немецких» влияний в российском обществе. 20 июля 1842 г. на имя Римского-Корсакова пришло письмо от флигель-адъютанта, генерал-майора лифляндца Корнелия Корнелиевича фон Засса, который призывал директора «помочь хотя несколько бедной баронессе... с огромным семейством». «Я лично, — продолжал фон Засс, — советовался с лейб-ме-

³ Там же. Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Шарлотта Александрина Эдле фон Унгерн-Штернберг (урожд. фон Рененкампф). Ее супруг скончался в Кронштадте 20 декабря 1838 г., — см.: *Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen Haenzer* 1912. Gotha, 1911. S. 849—850.

диком Рюлем⁶, которого мнение здесь излагаю: что Корпусу вовсе не нужно оглашать бывшее сумашествие кадета Унгерн-Штернберга, а только писать в свидетельстве, что по болезни он по Высочайшему повелению уволен из Корпуса, а во время нахождения в оном вел себя хорошо⁷. Подобных случаев, по словам почтенного Рюля, весьма много бывает⁸, т. е. что от сильного напряжения умственных способностей делается воспаление мозга, и временное отсутствие ума — не есть постоянное сумашествие, к тому же бывший больной совершенно извлечен⁹. В ответном письме осторожный Римский-Корсаков, сославшись на формальные причины (высочайшее повеление с записью о помешательстве), отказался переменить запись, но подсказал обходной путь: «Есть ли теперь он этого помешательства вовсе не имеет, то в таком случае мать кадета... может вы требовать аттестат от больницы Всех скорбящих или от того доктора, который его пользовал»¹⁰. Семья последовала совету адмирала.

9 февраля 1843 г. в Инспекторский департамент морского министерства поступило прошение мичмана П.П. фон Унгерн-Штернберга о перемене аттестата его младшему брату, который теперь «совершенно выздоровел». Оно было рассмотрено, и Константин, получив новый аттестат, был устроен на флот юнкером. Еще бы. Сам император ознакомился с делом и, «изволив усмотреть из свидетельства больницы, что проситель не был в помешательстве ума, Высочайше повелеть соизволил: просьбу его исполнить и исключить сие обстоятельство из упомянутого свидетельства». Новая запись гласила: «По Высочайшему повелению за болезнию уволен из этого заведения на

⁶ Уроженец Лифляндии тайный советник Иоганн-Георг Рюль, бывший врач военно-морского флота, с 1806 г. постоянно находился при дворе, состоя при особых императорской фамилии.

⁷ Подчеркнуто Зассом.

⁸ Миение Рюля было более чем авторитетно. Специалист-новатор в излечении «душевных болезней», он не только был врачом-профессионалом, осуществлявшим надзор за больницами воспитательных и богоугодных заведений, но и составил Проект устава Санкт-Петербургского Дома умалищенных (1832 г.). Кроме того, Рюль был Попечителем по нравственной части самой Больницы всех скорбящих.

⁹ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 1, д. 3191, л. 21—21 об.

¹⁰ Там же. Л. 22.

попечение родителей¹¹, а молодой юнкер мог спокойно продолжать службу¹².

История, произошедшая с кадетом фон Унгерн-Штернбергом, — частный эпизод, лишь одна из тысячи подобных историй, характерных для российской общественной жизни первой половины XIX в. Взятый отдельно, сам по себе, этот случай представляет интерес сугубо специальный и значим в контексте фамильной хроники баронского рода фон Унгерн-Штернбергов либо для воссоздания биографии самого кадета. Между тем нам представляется, что здесь важен еще один существенный аспект. В случившемся с бароном прослеживается своего рода поведенческая стратегия остзейско-германского дворянства. Отдельно взятый эпизод, частности, деталь проливает свет на способы, методы и приоритеты, которыми руководствовалось в повседневной жизненной практике остзейско-германское дворянство, рассмотренное как социальная целостность. Разветвленные фамильно-семейные связи, превратившие «немцев» в мобильную политическую силу и обеспечившие им прочные позиции в системе административного устройства России и при дворе, реализовывались путем широкого использования механизма патроната — орудия кланового представительства, рычага продвижения по службе. Составляя одно из решающих условий существования каждого отдельного представителя, патронат и клиента¹³ выступали неотъемлемым элементом клановых связей и оказывали решающее воздействие на формирование династичности военно-морского офицерского корпуса.

Собственно, проблема патроната, клиентельных связей — тема, которая достаточно активно изучается в исторической науке¹⁴ и

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Он дослужился до чина подполковника и скончался в Либаве 14 марта 1895 г. Его старший брат, упомянутый Пауль Отто Густав Карл, станет контр-адмиралом (см. поколенную роспись рода фон Унгерн-Штернбергов, — *Gothaisches Genealogisches Taschenbuch...*).

¹³ В Древнем Риме форма взаимоотношений между патроном и клиентами.

¹⁴ См. особенно: *Campbell J. Honour, Family and Patronage*. Oxford, 1964; *Wolf E.R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relation in Complex Society* // *The Social Anthropology of Complex Societies* / Ed. by M. Banton. London, 1966; *Network analysis: Studies in Human Interaction* / Ed by J. Boissevain, J. Clyde Mitchell. The Hague, 1973; *Boissevain J. Friends of Friends: Networks, Manipulators and Coalitions*. Oxford, 1974; *Friends, Followers and Factions: a reader in political clientelism* / Ed. by S.W. Schmidt et al. Berkeley, 1977; *Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge, 1984.

представлена специальными трудами, касающимися истории Российской империи¹⁵, и в частности балтийских немцев¹⁶. Для морской же истории вообще характерна семейственность, зачастую с рождения предопределяющая выбор профессии и способствующая успеху карьеры. В современной западной историографии успешно развивается направление социальной истории флота, в основе которого заложен анализ механизмов влияния фамильной традиции и родственных связей на службу морского офицера¹⁷. Одно из ярких тому подтверждений — капитальный труд французского исследователя М. Верже-Франссе «Офицерский корпус королевского флота (1715—1774). Происхождение, условия формирования, служба»¹⁸. Привлекая огромный комплекс архивных материалов служебного характера и систематизируя богатые генеалогические данные, автор анализирует клановую систему французских военно-морских сил, приоткрывает завесу над сложным механизмом фамильно-родственных взаимосвязей на флоте и изучает масштаб влияний, оказываемых патронатом, семейным родством и морской родовой традицией на судьбу офицера. Исследователь выстраивает своеобразную коллективную биографию французского офицерства, реконструируя семейные династийные кланы (Баров, Кольберов, Гишенов, Труенов, Перье, Мерсье, Турвилей, Габаре, л'Орвилье, д'Эстре и др.) и распределяя их по районам базирования флота, — тем самым он демонстрирует наличие

¹⁵ См., например: *Alexandrov D.A. Историческая антропология науки в России* // ВИЕТ. 1994 № 4; *Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий: середина XVII—середина XVIII в. Л., 1974; LeDonne J.P. 1) Ruling Families in the Russian Political Order 1689—1825 // Cahiers du Monde Russe et Sovétique. 1987. T. 28, N 33/4, 2) Frontier Governors General 1772—1825 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1999. Bd 47, H. 1; Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme in Europa der Frühen Neuzeit / Hgb. von A. Maczak. München, 1988.*

¹⁶ Armstrong J. Acculturation to the Russian bureaucratic elite: the case of the Baltic Germans // J. Baltic Studies. 1984. Vol. 15, N 1; Whelan H.W. Adapting to Modernity. Family Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln etc., 1999.

¹⁷ См.: Lewis M.A. 1) *Social History of the Navy, 1793—1815*. London, 1960; 2) *The Navy transition 1814—64: a Social History*. London, 1965. См. также: Rodger N.A.M. Officers, gentleman and their education, 1793—1860 // Les empires en Querre et Paix, 1793—1860. Vincennes, 1960.

¹⁸ Vergé-Franceschi M. *Les officiers généraux de la Marine Royale (1715—1774). Origines, conditions, services*. Paris, 1990. Vol. 1—7.

территориально-исторической преемственности в истории каждого семейства.

Если в монографии Верже-Франсесси анализируется офицерство аристократической дореволюционной Франции, Франции Старого порядка, то работа английского историка Бернара Кэппа «Военно-морские силы при Кромвеле. Флот в период Английской революции (1648—1660)»¹⁹ посвящена офицерству революционной эпохи. Автор убедительно показывает, что процессу создания нового флота республики были свойственны те же тенденции родственного и семейного покровительства, которые пронизывали королевский флот. Революционная конъюнктура предъявила определенные идеологические, политические и религиозные требования, но механизм фамильно-родственных связей функционировал в полной мере. Фактическое исчезновение из состава флота представителей аристократии, широкие возможности, открывавшиеся перед выходцами из незнатных и низших слоев общества, предопределили изменение возрастной и социальной структуры флота. При этом революция открыла простор для патрона новой социальной природы. Автор выделяет несколько оттенков этого явления, принимавшего иногда религиозный характер (выдвижение офицеров из среды радикальных пуритан), иногда территориальный (выбор соседей по округу или области проживания того или иного руководителя), а в ряде случаев требовавшего единства в сфере политических пристрастий (как в случае покровительства Д. Лоусона, который выбирал своих «клиентов» по степени враждебности к режиму Протектората). Однако несомненно, что признаки «кровного» родства, дружеских и семейных связей явно доминировали. Выдвижение молодого 31-летнего генерала Э. Монтэгю объяснялось его близостью к окружению Кромвеля и давними связями между семействами²⁰. Знаменитый адмирал Р. Блейк, старший из 12 детей, обеспечил продвижение по службе своим многочисленным братьям и племянникам²¹. Современник отметил покровительственные наклонности адмирала У. Пенна, «достигавшие такого размаха, что командиры

судов его флота в Ла-Манше невероятно быстро и стремительно продвигались по службе»²². Во время военной экспедиции в Карибское море (1654—1655 гг.) Пенн назначил своего шурина И. Нула командиром флиманского корабля, а других своих родственников одного лейтенантом, а другого боцманом²³. В центре всей системы патроната и протекционизма стоял сам лорд-протектор. Его настойчивыми усилиями была обеспечена карьера племянника Т. Уэтстона, сына сестры Кромвеля²⁴. Автор обратил внимание и еще на один важный момент в системе протекционизма: карьера выдвиженца гасла, если его покровитель терял влияние. Показателен в этой связи эпизод с лейтенантом Н. Роквеллом, продвинувшимся по службе благодаря генерал-майору Т. Гаррисону, — его карьера прервалась после 1653 г., когда после распуска Малого парламента влияние генерал-майора оказалось подорваным²⁵. Таким образом, по мнению автора, власть в системе морских сил Республики «была разделена между немногими морскими командующими, опиравшимися на сеть клиентов и зависимых от них лиц»²⁶. Да по сути дела, каждый отдельно взятый командир был патроном и имел свой круг зависимых от него людей, выбор которых определялся их личной преданностью, общим местом службы и родственными связями.

Русская военно-морская история не составляет исключения из общих правил, однако специальных исследований по этой проблеме в российской историографии нет. Между тем, анализируя социальную структуру флота, мы обнаруживаем целую систему протекционистских связей, пронизывавшую флотский организм в целом, систему, которая, подобно кровеносным сосудам, придавала жизненную силу всему социальному механизму²⁷. Наиболее важным элементом этой системы были соб-

²² Ibid. P. 181.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 188—189.

²⁵ Ibid. P. 187.

²⁶ Ibid. P. 190.

²⁷ На примере К.Н. Станюковича мы, впрочем, можем убедиться в том, что покровительство с оттенком семейственности далеко не всегда шло на пользу объектам патроната. Описывая своего отца, адмирала М.Н. Станюковича, в образе «грозного адмирала» Ветлутина, Станюкович отмечал, что он «не терпел

¹⁹ B.S. Capp. Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648—1660. Oxford, 1992.

²⁰ Ibid. P. 163.

²¹ Ibid. P. 183.

ственное покровительство, протекция вышестоящего начальника, опиравшиеся на широкий спектр разветвленных фамильно-служебных связей.

Без поддержки свыше, без опоры на семейные связи, на связи при дворе было практически невозможно успешно продвинуться по служебной лестнице и занять высокое положение в служебной иерархии. Так, первые шаги по службе будущего морского министра Н.К. фон Краббе (поступление в Морской корпус) были предприняты «по ходатайству» генерала А.П. Ермолова, а близость ко двору и покровительство светлейшего князя А.С. Меншикова обеспечили его прочное положение при Александре II. Придворная карьера фон Краббе, проходившая фактически вне собственно морской службы, — карьера адъютанта начальника Главного морского штаба — вознесла его на пост морского министра. «Сам Краббе, — отмечал мемуарист, — никогда и нигде не плавал; это был скорее сухопутный генерал с орлами на погонах, чем морской офицер»²⁸. В свою очередь, и Краббе, выдвиженец и продукт протекционистской системы, активно способствовал ее развитию, создавая свою клиентелу. «Протекцию оказывал он двум братьям Бал... у которых несколько раз охотился в Новоладожском уезде. Один из них едва добрался до генерал-майора, занимаясь в управлении Балтийскими заводами. Некто Зиг... кажется товарищ Краббе, решительно нигде не плавал и к концу своей служебной карьеры добрался до генерал-майорского чина, имея при этом высшим орденом Станислава 2-й степени». В целом же «протекция на флоте, так же как и несправедливость, и противозаконные поступки, были во времена Краббе, как и раньше, в большом ходу»²⁹. «Я ласков со всеми, каждому не прочь услужить, слушаю всех, когда они друг на друга жалуются, но не сплетничаю»,

непотизма и никогда ни о чем не просил даже за своих сыновей. Старшего своего сына, моряка, офицера, служившего на эскадре, которой, уже адмиралом, командовал Ветлугин, он так допекал, был до того к нему строг и придирчив, что сын просил о переводе в другую флотскую дивизию, чтобы только не быть под начальством грозного адмирала-отца. Если он и просил за сыновей, то для того только, чтобы им не мерили и держали в ежовых рукахцах» (Станюкович К.Н. Собр. соч. Т. 1. М., 1958. С. 274).

²⁸ Денорвиль. Из воспоминаний старого моряка // Море. 1906. № 33, 34. С. 1184.

²⁹ Там же.

— так, по словам К.А. Манна, формулировал свое «кредо» морской министр.

Механизм продвижения прекрасно демонстрирует рассказ Манна о том, каким образом он стал членом адмиралтейств-совета. «Я положительно не мог далее работать, — вспоминал он о своем пребывании в должности директора канцелярии морского министерства, — и к помещению меня в адмиралтейств-совет представлялись препятствия»³⁰. Вопрос о назначении неожиданно решился, когда он оказался увязанным с поисками «хорошего места» для родственника близкой к Краббе артистки Абариновой, служившего делопроизводителем канцелярии морского министерства. «В ноябре я как-то приехал с докладом к Краббе. Между делом он мне сказал: «У нас кодификация идет медленно. Это учреждение — ваше создание. Подумайте, не нужно ли его усилить назначением второго еще директора, а у меня есть в виду человек — М...» Не трудно было догадаться, что здесь была задняя мысль, желание устроить М. Не зная родственных связей последнего с Абариновой, я совершенно неумышленно сказал, что он годился бы скорее для канцелярии морского министерства. Взглянув на Краббе, я увидел, что этою фразою я совершенно неожиданно устроил собственное свое дело. Лицо Краббе сияло удовольствием; он в мгновение ока сообразил, что назначить меня членом адмиралтейств-совета — значит назначить Пещурова директором и что таким образом освободится место вице-директора для М. Чрез три дня он мне объявил, что великий князь согласен на эту комбинацию... Вмешалась женщина, страсть, и все устроилось. И так складывались обстоятельства в руках лучшего из начальников, каким был Краббе. Что же делалось там, где таких начальников не было?»³¹. Отвечая на риторический вопрос Манна, позволим себе заметить: система покровительства и патроната, опиравшаяся на покровителя и собственными руками «выращенных» клиентов, была характерна для всего флота.

Силу и живучесть придавало патронату создание своего рода гарантий. Они до некоторой степени выполняли защитную функцию «сегодняшнего дня», предохраняя клиентов от разного

³⁰ Манн К.А. Воспоминания // Историч. вести. 1917. Т. 148, № 3. С. 638.

³¹ Там же.

рода неприятностей по службе. Так, покровительство адмирала Г.Г. Кушелева, бывшего соученика А.С. Шишкова по Морскому корпусу, ставшего одним из приближенных к Павлу I, обеспечило будущему министру народного просвещения спокойное существование во время павловского царствования, когда он мог «не опасаться каких-либо для себя несчастий»³². «Несчастье» могло трактоваться не только в широком смысле, принимая форму правительственные репрессий и гонений; на уровне рядовой карьеры «несчастьем» могло стать, например, нежелательное назначение, как это произошло в случае с Ф.П. Толстым, знаменитым русским скульптором. Пройдя обучение в Морском корпусе, получив чин мичмана, молодой человек тем не менее имел пристрастие к занятиям живописью и посещал курс в Академии художеств. Семья пришла в смятение, когда он получил направление на гребную флотилию в Роченсальме; дядя Толстого, граф Пётр Александрович, обратился к исправлявшему должность морского министра П.В. Чичагову «с просьбой оставить талантливого племянника в Петербурге. После долгого разговора с художником адмирал сказал: «Вы останетесь здесь» и отпустил его. Через несколько дней, однако, Толстой получил от ближайшего начальства приказ немедленно отправиться на место назначения. В отчаянии полетел он к Чичагову, — описывала произошедшее дочь скульптора. — Последний утешил его словами: «Я вам сказал, что никуда не поедете: подите и успокойте ваших родителей». Вскоре получился приказ о назначении Фёдора Петровича адъютантом Чичагова»³³. В случае с родом Толстых обнаруживается еще одна характерная черта «семейственности» патроната, обеспечивавшая привилегированное положение той или иной семьи. Семейственность эта подчас могла приобрести самые неожиданные ракурсы, как и произошло с Толстыми. «Вместе с Фёдором Петровичем находились в корпусе его старший брат Константин и пять его двоюродных братьев; все они помещались в одном дортуаре, носившем название «комнаты графов Толстых». Между ними находился Фёдор Иванович, прозванный впоследствии «Американцем». Оттенки того же семейного соседства я обнаружил, разбирая служебную пер-

³² Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала. Берлин, 1870. Т. 1—2

³³ Юнге Е.Ф. Воспоминания (1843—1860 гг.). М., 1914. С. 96, 97

писку И.Ф. Крузенштерна. В письме к адмиралу граф Сергей Толстой, пытаясь в 1833 г. устроить своих сыновей в Корпус, упирал именно на семейную сторону вопроса, так как старший сын его уже обучался в нем. «Благодения, оказанныя Вашим превосходительством старшему из них (своих сыновей, — Д.К.), имеющему уже щастье находиться под милостивым попечением Вашим, по гроб, по гроб! не изгладится из памяти моей. Окажите сице, великолуние Ваше, милостивый государь, — соедините братьев под один кров (курсив мой, — Д.К.), и пусть они, под благотворным влиянием, под непреманным надзором Вашим, научатся быть истинными сынами отечества, и не токмо братьями между собою, по крови, но и братьями всех добродетельных людей»³⁴.

Сходными путями остался в столице и другой выпускник Морского корпуса — мичман А.П. Беляев. Подруга его старшей сестры, княгиня Варвара Сергеевна Долгорукова (ур. Гагарина), в доме которой он воспитывался до поступления в Корпус, «очень желала, чтобы я служил в Петербурге... потому, что уже привыкла видеть меня в ее семействе... Но в Петербурге не стояли действующие экипажи, а был только один гвардейский морской экипаж; в гвардию же прямо из корпуса не выпускали. Она сказала о своем желании некоторым из генерал-адъютантов... все эти генералы желали сделать угодное княгине и стали хлопотать о назначении меня, при производстве, прямо в гвардейский экипаж». Дело дошло до Александра I. «Кто этот счастливый молодой человек, о котором так много просят?», — спросил император. Узнав подоплеку дела, «он повелел, не в пример прочим, назначить меня прямо в гвардейский экипаж»³⁵.

Наконец, семейственностью во многом определялась и возможность устройства дворянских детей в Морской корпус. Обращение к «Автобиографии» адмирала немецкого происхождения Фёдора Петровича Литке позволяет реконструировать, сколь

³⁴ РГАИМФ. Ф. 432, оп. 1, л. 2548, л. 20. Любопытный ответ воспоследовал от директора Корпуса, который, отказав в прошении, сослался не только на «нарушение очереди», но и на возможное дурное отношение коллег к такому устройству, так как «ни поведение, ни прилежание» старшего сына Толстого «не могло бы меня оправдать» (Там же. Л. 21).

³⁵ Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Рус. старина. 1880. Т. 29. С. 824.

важное место в продвижении по службе играли протекционизм и родственные связи. Рассказывая сенатору В.П. Безобразову о временах своей юности, адмирал несколько не пытался затушевать и скрыть механизмы, способствовавшие его служебному росту³⁶. Карьера отца будущего адмирала, Петера Августа фон Литке, складывалась при поддержке его покровителя и «приятеля» фельдмаршала князя Н.В. Репнина. После выхода в отставку (1784 г.) он несколько лет управлял воронежскими имениями князя. В 1794 г., пользуясь поддержкой бывшего сослуживца и друга Д.П. Троцкого, статс-секретаря Екатерины II и будущего министра юстиции при Александре I, Литке вернулся на службу и занимал посты советника таможенных дел в Петербургской Казенной палате и инспектора Петербургской и Кронштадтской таможен. Он скончался в 1808 г., когда Ф.П. Литке было 11 лет³⁷. Следует заметить, что собственно на воспитание сына старший Литке, вступивший во второй брак, обращал весьма мало внимания. «Я не помню, чтобы он когда-нибудь меня приласкал, хотя бы по-трепал по щеке, но трепку другого рода мне случалось испытывать, большую частью по наговорам мачехи», — вспоминал Фёдор Петрович³⁸.

Последующие годы Литке провел в доме дяди по материнской линии, Ф.И. Энгеля, холостяка, также обязанного своей карьерой протекции князя Репнина, секретарем которого он служил около десяти лет. Крупный чиновник, Энгель состоял статс-секретарем иностранной коллегии при Павле I, в 1810 г. стал статс-секретарем департамента экономии, а затем — сенатором, членом Государственного совета. «Дядя взял меня к себе, но как берут с улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть с голоду, — с горечью замечал Литке. — Он не обращал на меня никакого внимания, как разве для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши»³⁹. Тяжело переживая про-

³⁶ Безобразов В.П. Граф Фёдор Петрович Литке. (Очерк жизни графа Ф.П. Литке. Автобиография графа Фёдора Петровича Литке.. — Приложения). СПб., 1888. Т. 1.

³⁷ Мать Литке — Анна Ивановна (ур. Энгель) — скончалась при родах будущего адмирала в 1797 г.

³⁸ Безобразов В.П. Граф Фёдор Петрович Литке.. С. 35.

³⁹ Там же. С. 40.

бели в воспитании и образовании⁴⁰, Литке считал, что при посредничестве дяди он мог бы попасть или в Императорский лицей (директор Лицея Е.А. Энгельгард был близким приятелем Энгеля), или в Морской корпус (пользуясь знакомством последнего с морским министром маркизом И.И. де Траверсе) — «но при эгоизме и бесхарактерности его и на это не стало»⁴¹. Обида будущего адмирала достаточно понятна, если учесть те усилия, которые предпринимались семьей по устройству в Морской корпус его брата Александра⁴².

В документах Корпуса сохранилась соответствующая переписка. Из нее следует, что дело рассматривалось при участии самого морского министра, которым в те годы еще был В.П. Чичагов. В записке от 17 мая 1809 г., направленной из канцелярии министра директору Морского корпуса П.К. Карпову, содержался запрос: «Может ли быть принят в Морской Кадетский корпус на казенное содержание сын умершего действительного статского советника Литке, буде же не может, то не представится ли удобнее поместить его хоть пансионером, и в таком случае чего будет стоить ежегодное его содержание»⁴³. В полученном ответе (18.05.1809 г.) сообщалось, что открытых вакансий нет, а кандидаты на них ждут уже около года; на пансион же с платой никто «по тесноте мест не принимается», тем более что по именному повелению Павла I «запрещено сие было»⁴⁴. Родственникам предложили записать Литке кандидатом и самостоятельно оплатить преподавание ему учителями Корпуса необходимых предметов. Предпринятые семьей шаги вскоре возымели результаты. Прошло чуть более месяца, когда 26 июня 1809 г. от Чичагова на имя Карпова последовало повеление императора: «Вклу-

⁴⁰ «Я был вспыльчив, обижен, недорога, и как все слабые любил дуться. Sompire tout (Словом), — я был совсем дрянной мальчик. Недостаток первоначального воспитания и совершенное отсутствие воспитания после того отозвалось на всю последующую мою жизнь» (Там же. С. 27).

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² А. Литке — капитан-лейтенант флота (22.04.1834) — вместе с братом участвовал в плаваниях к Новой Земле, а затем служил в Гвардейском экипаже, где состоял старшим адъютантом при Дежурном генерале Главного морского штаба. В 1836 г. он был уволен от службы для определения к статским делам.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 7, д. 2062, л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 2

чить Литке в число кандидатов для определения по открытии вакансии в кадеты⁴⁵. До поступления же «в комплект» он должен быть отдан «для наук» одному из корпусных учителей — «как за учение, так и за стол и квартиру будет отпускаться по 300 рублей в год из Кабинета Его величества»⁴⁶. Позволим себе сделать небольшое отступление, ярко характеризующее атмосферу и порядок делопроизводства того времени. В феврале 1814 г. из Кабинета в адрес Карцова пришел запрос по поводу невостребованности «с давнего времени» денег на обучение Литке: «Где этот означенный... находится ли в науке и у кого из учителей»⁴⁷. В ответе директор сообщал, что Литке давно уже включен на вакансию и «введен в комплект», «почему на содержание его денег более не истребовано»⁴⁸.

Что касается будущего адмирала, то «круглый сирота, в первые годы своей юности почти заброшенный, без всякой протекции» (курсив мой, — Д.К.), Литке тем не менее сумел сделать головокружительную карьеру, и рассказанные им обстоятельства его ранней службы позволяют предполагать весомую протекционистскую поддержку. Начать с того, что в морских кругах фамилия Литке была известна. Два родных дяди — Карл и Александр — закончили Морской корпус вместе с известными в будущем адмиралами А.В. фон Моллером (впоследствии морской министр), Т.М. Быченским, Л.В. Снафарьевым. Карл погиб в чине капитана 2-го ранга при осаде Измаила — в память о нем отец Литке решил сделать из сына моряка. Александр перешел на статскую службу и к концу жизни был инспектором Радзивилловского таможенного округа. Его супруга, Анна Константиновна Куличкина, дочь придворного мастера серебряных и золотых дел, приходилась сестрой известному морскому офицеру Василию Куличкину, командированному в конце XVIII в. русским правительстvом «волонтером» на английский военный флот⁴⁹. В доме

⁴⁵РГАВМФ. Ф. 432, оп. 7, д. 2047а, л. 1.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Там же. Л. 3.

⁴⁸Там же. Л.4, 4 об.

⁴⁹Примечательно, что среди этих избранных «для употребления на англичанском флоте» молодых офицеров были И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, Я. Беринг, И.О. Салтанов, А.П. Авинов, И. Рожнов, К.С. и С.С. Грейги. Сам Куличкин погиб в 1800 г. при взрыве «Королевы Шарлотты» (РГАВМФ. Ф. 198, оп. 1, д. 72, л. 218, 219).

А.И. Литке в Радзивиллове воспитывалась родная сестра Фёдора Петровича, Наталья⁵⁰, которая здесь познакомилась с офицером сенявинской эскадры И.С. Сульменевым — впоследствии адмиралом, председателем Морского генерального аудиториата — и здесь же вышла за него замуж. В 1810 г. он получил перевод в Петербург. Во многом благодаря его участию в судьбе Литке и произошли важные перемены, определившие его будущность. «С самой первой минуты нашего знакомства он полюбил меня, как сына, и я его, как отца. Эти чувства, эти отношения не изменились в течение почти 40 лет ни на одну минуту», — говорил адмирал⁵¹. Через Сульменева Литке попал в круг морских офицеров и «много терялся между людьми», тем более что среди них было немало его родственников. Так, он проводил немало времени на бриге «Меркурий», где старшим офицером служил Е.Е. Куличкин; другой моряк, Д.М. Головнин, брат знаменитого Василия Головнина и внучатый брат Сульменева, давал подростку уроки арифметики и географии.

Когда к концу 1812 г. пришла пора сдавать экзамен для определения волонтером в должности мичмана на гребной флот, Литке рассказывал, что его «все знали и даже любили, зятя (Сульменева, — Д.К.) все уважали». Благожелательно настроенная «особая» комиссия превратила экзамен в «необходимую формальность»; «все свершилось келейно, отчасти с шуточками и прибаутками»⁵². В рапорте же, направленном контр-адмиралом Н.А. фон Бодиско морскому министру И.И. де Траверсе, была сделана специальная оговорка, что «познания и нравственность, мною замеченные, обнаруживают иметь в нем хорошего морского офицера»⁵³. В 1813 г. во время боевых действий гребной флотилии контр-адмирала Л.П. Гейдена у Балтийского побережья⁵⁴. Литке находился на галиоте «Аглая», на котором

⁵⁰Другая сестра Литке, Анна, в замужестве Гирс; ее дети — известные братья Александр, Николай и Фёдор — воспитывались в Петербурге под попечительством адмирала.

⁵¹Безобразов В.П. Граф Фёдор Петрович Литке... С. 54.

⁵²Там же. С. 70.

⁵³РГАВМФ. Ф. 203, оп. 1, д. 496, л. 14—14 об.

⁵⁴Литке предпринимал попытки принять участие в военных действиях и просил похлопотать за себя двоюродного брата (по линии отца) Н.П. Панкратова, адъютанта М.И. Кутузова.

брейд-вымпел держал командир первого отряда Сульменев⁵⁵. В 1814–1815 гг. Литке служил в Свеаборге, где главный командир порта контр-адмирал остзеец И.А. фон Бодиско, «старый знакомый батюшки, принял меня очень ласконо»⁵⁶. Молодой мичман был определен при Бодиско в качестве офицера по особым поручениям. Как признавался впоследствии сам Литке, «должность моя состояла в том, чтобы лежурить все утро пред кабинетом адмирала и всякий день у него обедать. Я имел раз или два какие-то поручения, которые, помнится, исполнил довольно плохо»⁵⁷. Тогда же он служил на «Аглае», занимавшей брандвахтенный пост на западном фарватере Гельсингфорса — командовал галиотом капитан-лейтенант Е.И. фон Вистингаузен, родственник Бодиско и хороший знакомый самого Литке.

Литке рассказывал, что назначенный после смерти Бодиско главным командиром Свеаборгского порта капитан-командор Л.П. фон Гейден, «знавший меня с самого вступления моего в службу, оставил меня при себе для исправления адъютантской должности, и я был принят в семью как родной»⁵⁸. «Служба моя при графе Гейдене ограничивалась некоторыми поручениями, при исполнении которых я постоянно делал blunders (промахи). Граф поворчит, а потом расхохочется. Добрейшая душа!»⁵⁹. Ничего удивительного, что, попав в 1816 г. на шлюп «Камчатка» под команду В.М. Головнина, строгого командира английского типа, приверженца жесткой дисциплины, Литке столкнулся с немалыми трудностями во взаимоотношениях с командиром и офицерами. «Излишняя живость характера, необдуманность, в первое время незнание порядка службы (где мне было ей научиться?), избалованность прежними начальниками — все это должно было в глазах капитана давать мне вид какого-то шалопая», — запишет адмирал, вспоминая впоследствии свое первое кругосветное плавание⁶⁰. Не последнюю

⁵⁵ За участие в осаде Данцига Литке был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и досрочно получил чин мичмана; Сульменев же стал кавалером «золотого оружия».

⁵⁶ Безобразов В.П. Граф Фёдор Петрович Литке... С. 79.

⁵⁷ Там же. С. 81.

⁵⁸ Там же. С. 84, 85.

⁵⁹ Там же. С. 86.

⁶⁰ Там же. С. 97.

роль сыграли родственные связи и при определении на «Камчатку»: «суворый» Головнин брал в плавание только «лично ему известных офицеров»⁶¹, и появление «избалованного» мичмана стало своего рода исключением из правил, сделанным по просьбе все того же Сульменева, внука брата Головнина⁶². Справедливости ради следует отметить, что за время плавания мнение Головнина о Литке изменилось: в 1820 г. он уже рекомендовал 23-летнего лейтенанта в руководители научной экспедиции для описи Новой Земли.

Другой яркий пример — судьба Э.И. Стогова, выходца из старинной, но обедневшей дворянской семьи. Его устроили в Корпус с помощью адъютанта адмирала П.И. Ханыкова лейтенанта И.П. Бунина. В случайном разговоре с отцом о будущем подростка лейтенант заявил: «Отдайте в морской корпус, тем более что его и укачивать не будет, а об определении я устрою»⁶³. Привезенный в Петербург, Эразм жил в доме Ханыкова и «целые

⁶¹ Шварц К.Н. Фердинанд Петрович Врангель // Рус. старина. 1872. Т. 5, № 3. С. 143.

⁶² Впрочем, избирательность Головнина бросается в глаза: он взял в плавание юных Феопемпта (тогда гардемарин, а впоследствии — свиты контр-адмирал) и Ардалиона Лутковских, братьев своей невесты Евдокии Степановны. На него было также оказано сильное давление в связи с определением к плаванию выпускника Царскосельского лицея Ф.Ф. Матюшкина (мать последнего — урожд. Меддер, классная дама в Московском Екатерининском институте). «С самых юных лет он имел страстное желание путешествовать морем, — писал де Траверсе 7 июня 1817 г. министр духовных дел князь А.И. Голицын. — Желание сие не может быть удовлетворено поступлением в морскую службу, ибо он не обучался нужным для него наукам, но ныне представляется к сему удобный случай определением его в каком-либо звании при капитане Головнине... по письмонодству». Так как Голицын уже докладывал дело императору, Траверсе осталось только довести решение до Головнина. «В Матюшкине я ни малейшей нужды не имею, и могу очень хорошо и без него обойтись», — отбивался Головнин. Однако не в силах сопротивляться влиянию Голицына, который «его очень хвалит», Головнин вынужден был «дать ему место» (РГАВМФ. Ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 232, 233), определив на ют под команду Литке. Впрочем, в свою очередь, и директор Лицея Е.А. Энгельгардт весьма способствовал устройству Матюшкина на «Камчатку». «Я вознагражден тем, что директор наш... обещал доставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головнин отправляется на фрегате «Камчатка» в путешествие вокруг света, и я надеюсь, почти уверен, идти с ним», — писал Матюшкин Сазоновичу 10 июля 1817 г. (Рус. архив. 1875. Кн. I. С. 484). 7 августа он получил письмо от Энгельгардта, который сообщал хорошие известия и писал, что «добрый Головнин сдержал данное мне слово» (РГАВМФ. Ф. 315, оп. 1, д. 1197, л. 4).

⁶³ Стогов Э.И. Посмертные записки // Рус. старина. 1886. Т. 52. Октябрь. С. 100.

дни проводил в семействе адмирала». Параллельно отец будущего кадета подыскал протекцию мальчику и в самом Корпусе. Его приятель и сосед О.А. Поздеев, узнав, что Эразма отдают в Корпус, обратился за помощью к своему сыну, лейтенанту и корпусному офицеру А.О. Поздееву, в роту которого Стогов и попал⁶⁴.

Однако оценка преимуществ, предоставляемая гарантией, вовсе не ограничивалась «сегодняшним» днем, тем или иным послаблением или «привилегиями». Да и сам патронат не определялся единственностью соотношения патрона-клиент. Стратегия патроната была направлена на *перспективу*, а его механизм подразумевал возможную смену «лидерства», когда бывший патрон мог оказаться сегодняшним клиентом, и тогда многое зависело от прежних личных «симпатий», размеров услуг и цепочек взаимных связей. Наиболее ярко названные трансформации обнаруживаются в случаях, когда «старый» патрон, например командир корабля, обращался за помощью или поддержкой к бывшему подчиненному, клиенту, сохранившему питет к своему экс-командиру. Так, вице-адмирал Н.П. Римский-Корсаков, участвовавший в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», до конца жизни остался для руководителя этой экспедицией О.Е. фон Коцебу «искренне вашим вторым лейтенантом». Нет ничего удивительного, что в ответ на просьбу Коцебу о приеме в Морской корпус его сына, Римский-Корсаков, директор Корпуса, откровенно ответил: «Я прошу Вас располагать его определением по собственному Вашему усмотрению, привезите или пришлите его, когда Вам угодно, он в ту же минуту будет принят в комплект на казенное содержание, чем скорее Вы это сделаете, тем для меня будет приятнее»⁶⁵.

«Немецкие» модели

Проблема патроната в целом приобретает дополнительные направления и аспекты при рассмотрении ее в контексте разветвленной сети остзейских родственно-патронатных контактов

⁶⁴ Там же. С. 108.

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 7, д. 1610, л. 1.

и связей. «Сильны немцы в Петербурге», — вырвалось у Валуева в пору апогея его конфликта на посту начальника Курляндской губернии с губернским предводителем дворянства бароном фон Ганом⁶⁶. Долгие годы находясь в Прибалтике и хорошо зная особенности местной политической жизни, умудренный чиновник, П.А. Валуев, связанный родственными узами с остзейскими домами Фелькерзамов, Менгденов и Шульцев, безусловно, отдавал себе отчет в том, что наутина интриг сплетается в далеком Петербурге. «Надежда на соотечественников, состоящих на службе в Петербурге, вообще занимает важное место в здешних понятиях и соображениях. С Петербургом всегда производится самая деятельная переписка»⁶⁷. В свою очередь, и Ю.Ф. Самарин не упускал случая разразиться грозными филиппиками в адрес «дружной фаланги заслуженных сановников балтийского происхождения» или «особого министерства остзейских дел», свившего гнездо в столице и самых влиятельных сферах. «...А за ними — необозримые ряды менее видных, но не менее усердных и полезных сберегателей интересов Остзейского края...»⁶⁸ Более того, «непрятательность» флотской службы для российского дворянства и широкое участие в ней остзейских родов привнесли дополнительный подтекст в изучение клановой стороны проблемы. На протяжении XIX и в начале XX в. на флоте служили представители не менее восьми десятков морских династий, немалую долю которых составили выходцы из рядов балтийского рыцарства. Исследуя имматрикулированные роды Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Эзеля, мне удалось выделить более сорока морских династий, выходцы из которых служили на флоте по крайней мере в трех поколениях. Первая же половина XIX в. явилась рубежным этапом в формировании подобной преемственности. Именно в этот период все чаще обнаруживаются проявления семейно-кланового патроната, что во многом определяло успешность служебной карьеры.

⁶⁶ Валуев П.А. Дневник // Рус. старина. 1891. Т. 71, № 7.

⁶⁷ Там же. С. 76.

⁶⁸ Самарин Ю.Ф. Окраины России // Соч. М., 1890. Т. 8. С. 520.

Крузенштерн и его клиенты

Одной из ключевых фигур в плане использования развитленных родственных связей для продвижения по службе был знаменитый моряк, географ-исследователь адмирал Иван Фёдорович фон Крузенштерн. Патронирование, осуществляемое Крузенштерном, демонстрирует модель покровительства, оказываемого балтийским немцем, и поэтому она носила характер покровительства с пронемецкими чертами. При рассмотрении его деятельности в контексте изучения проблемы патроната проявляются основные направления, в которых участие и влияние адмирала выглядели наиболее значимыми.

В первую очередь обнаруживается традиционная и вполне естественная для морского офицера сфера патроната, которая охватывала собственно командование кораблем. Командир корабля выступал как патрон и покровитель, принимавший прямое участие не только в подборе офицерских кадров. Он могказать влияние на дальнейшую их судьбу, прохождение службы и складывание их карьеры. В случае с Крузенштерном, однако, командование кораблем невозможно рассматривать без учета научного статуса и огромного, а подчас непрекаемого авторитета адмирала в морских и научных кругах. Поэтому первая ипостась патроната адмирала — руководство кораблем — рассматривается нами параллельно с его деятельностью как авторитетнейшего специалиста, научного руководителя и официального консультанта географических экспедиций первой трети XIX в. Вторая патронатная ипостась Крузенштерна связана с его деятельностью на посту директора Морского корпуса (1827—1842), который занимал ключевое место во флотской иерархии благодаря важному положению в системе подготовки офицерских кадров.

При исследовании истории географических, в частности кругосветных, экспедиций обнаруживается, что мнение адмирала часто оказывалось решающим при решении вопросов о персональном назначении участников экспедиции. Первым рычагом протекции выступал *механизм родственных связей*. В результате протекции Крузенштерна молодой немецкий натуралист Адельберт фон Шамиссо в 1814 г. попал на бриг «Рюрик», отправлявшийся на поиски Северо-западного прохода. Воспользовавшись помощью своего друга, немецкого писателя Юлиуса Эдуарда Хитцига, который находился в близких отношениях с

драматургом Августом Фридрихом фон Коцебу, жившим в Кёнигсберге, он предпринял попытку попасть в состав экспедиции. «...Вскоре пришло письмо из Ревеля... от его (Коцебу, — Д.К.) сына, адмирала, в то время капитана Императорского русского военного флота Крузенштерна... я назначался естествоиспытателем экспедиции»⁶⁹. Собственно, и назначение командиром «Рюрика» (а затем и «Предприятия» в 1823 г.) лейтенанта О.Е. фон Коцебу, сына вышеупомянутого драматурга от 1-го брака, состоялось по инициативе того же Крузенштерна, который разработал проект экспедиции, — «моего старшего друга», как пишет в посвящении ему автор отчета о путешествии на «Предприятии»⁷⁰. Не подлежат сомнению личные качества Коцебу как мореплавателя, офицера и исследователя. Примечательно, однако, что опыт кругосветного плавания он, тогда еще кадет Первого кадетского корпуса, будущий армейский офицер, приобрел в качестве «за мичмана волонтера» в составе экспедиции Крузенштерна 1803—1806 гг., куда попал вместе с братом Морицем благодаря родству своей мачехи с командиром «Надежды». «Известный Коцебу, — писал Крузенштерн, — желая, чтобы оба его сына... могли воспользоваться сим путешествием и чтобы они находились на моем корабле, просил о том высочайшего соизволения, в котором и не было ему отказано»⁷¹. Дело в том, что 2-м браком (16.07.1794) немецкий драматург был женат на Кристине Гертруде фон Крузенштерн, родной сестре адмирала⁷². Родственные узы семей закреплял и 3-й брак Коцебу (7.08.1804): его избранницей стала Вильгельмина Фредерика фон Крузенштерн, двоюродная сестра Ивана Фёдоровича⁷³.

Действия адмирала в этом плане, естественно, определялись далеко не только родственными связями. Человек науки, глубокий ученый и истинный профессионал, он активно искал и

⁶⁹ Шамиссо А. Путешествие вокруг света. М., 1986. С. 8, 9.

⁷⁰ Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1987. С. 22.

⁷¹ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950. С. 19.

⁷² Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Görlitz, 1930—1935. Bd 2. Teil Estland. S. 97.

⁷³ Ibid. S. 107.

патронировал офицеров и специалистов, способных оказать пользу науке, тому делу, которому он сам посвятил свою жизнь. И этот — второй рычаг протекционистской деятельности Крузенштерна — продвижение *людей, способных*, по его мнению, *сослужить пользу науке*, нельзя понять без учета «немецких пристрастий». В процессе подготовки первого русского кругосветного плавания Крузенштерн, его инициатор и руководитель, действительно искал «достойных», на его взгляд, участников. В письме к министру морских сил Н.С. Мордвинову, датированном 3 сентября 1802 г., он сообщает: «В выборе штурманов... я еще не решился»⁷⁴. Тем не менее уже в предварительном списке состава экспедиции из десяти офицеров мы обнаруживаем пять человек из остзейской группы (лейт. К. Гепхард и Ф.И. фон Ромберх, мичм. В. Берх, Н. Ренвен, Г. Бистром). Кроме них показаны штаб-лекарь Л. Кернер и доктор К. Епенберх⁷⁵. В другом письме, от 5 октября 1802 г., он обратил внимание министра на двух офицеров. Первый, лейтенант Ф.И. фон Ромберх, по мнению Крузенштерна, «окажется усердным сотрудником в пользу кампании (РАК, — Д.К.) и будет, со временем, действительно полезен своему отечеству»⁷⁶. Что касается второго участника — штурмана экспедиции, то Крузенштерн «не мог долго решиться». Он писал: «Случай довел меня узнать мичмана, весьма знающего в математических науках, которому сделал предложение идти со мною в должности штурмана, на что он охотно согласился. Он называется барон Биллинггаузен, ежели вашему высокопревосходительству угодно будет назначить его...»⁷⁷

Результатом подобной деятельности стало широкое участие «немцев» в первой русской кругосветной экспедиции. Из общего числа офицеров (2 командира, 6 лейтенантов, 3 мичмана — всего 11 человек) четверо принадлежали к балтийским немцам; кроме того, в плавание были взяты два кадета — братья Коцебу.

Принял участие адмирал и в судьбе двух других остзейцев — братьев Михаила и Вильгельма фон Кюхельбекеров. Что касается первого, то по просьбе Крузенштерна он был зачислен

⁷⁴РГАВМФ. Ф. 204, оп. 1, л. 55, л. 11.

⁷⁵Там же. Л. 4.

⁷⁶Там же. Л. 8.

⁷⁷Там же.

«сверх комплекта» в число участников кругосветного плавания на шлюп «Аполлон» в 1821 г. В отношении же Вильгельма его усилия не увенчались успехом — начальник Морского штаба отказался докладывать императору о предложении адмирала взять молодого человека на шлюп «Предприятие» под командованием О.Е. фон Коцебу (1823—1826 гг.). Впрочем, что касается других участников плавания на «Предприятии», то по рекомендации Крузенштерна были приняты и в состав экспедиции зачислены студент Дерптского университета астроном В. Прейс, минералог Э. Гофман и физик-астроном Э. Ленц⁷⁸. Крузенштерн также оказывал протекцию людям науки, жившим в Германии. В 1812 г. он ходатайствовал о приеме на русскую службу Циммермана, автора сочинений о европейской и колониальной торговле, и направил письмо министру внутренних дел О.П. Козодавлеву. Само письмо нам неизвестно, однако ответ министра проливает свет на действия и аргументацию, с помощью которых Крузенштерн рассчитывал добиться положительного ответа на свою просьбу. В нем министр в первую очередь отметил «благоволение» императора к книге Циммермана, посланной «на высочайшее рассмотрение». А во-вторых, сообщил о невозможности в рамках его ведомства решить вопрос о «приглашении г. Циммермана в Россию к какому-нибудь месту по его способностям, дабы он, пользуясь спокойствием, которого лишен в Германии, мог докончить сочинения свои по части истории и статистики», и предложил переадресовать свою просьбу к министру просвещения⁷⁹.

Летом 1819 г. Крузенштерн оказал протекцию молодому профессору зоотомии Кёнигсбергского университета К. фон Бэрю и предложил ему участвовать в полярной экспедиции лейтенанта барона Ф. фон Врангеля⁸⁰. Ноябрь 1819 г. датируется очень любопытное письмо, проливающее свет на Крузенштерна и как на патрона российской науки, и как на человека, создавшего систему клиентелы. В этом письме, носящем част-

⁷⁸См.: Насецкий В.М. Географические исследования декабристов. М., 1977. С. 29, 70; Насецкий В.М., Насецкая-Кремницкая Е.К. Декабристы-естественники. М., 1989.

⁷⁹РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, л. 216, л. 148—149.

⁸⁰Бэр К. Переписка по проблемам географии. Л., 1970. С. 4—5.

ный характер и адресованном В.М. Головину, адмирал высказывался достаточно откровенно. Прежде всего по поводу барона Ф. фон Врангеля, участвовавшего в кругосветном плавании Головнина на «Камчатке», в связи с «чудесным» назначением которого ясности нет и по сей день. Действительно, обстоятельства, сопровождавшие появление Врангеля на «Камчатке», выглядят более чем странно, тем более при оценке их с точки зрения реалий российской военно-морской службы. Вступив в переписку с Головним и получив от него отказ на участие в экспедиции, молодой эстляндец решился на отчаянный поступок. Самовольно покинув в Ревеле фрегат «Австроил», Врангель на каботажном судне пришел в Петербург и лично просил Головнина взять его в плавание хоть матросом. Произведя на командира благоприятное впечатление, Врангель был зачислен в состав экспедиции.

Переписка Головнина с Крузенштерном приоткрывает завесу над происшедшими событиями. Оказывается, еще в октябре 1816 г. вопрос был фактически решен, и покровительство Крузенштерна сыграло в этом решающую роль. В письме от 13 октября Головнин сообщал Крузенштерну о состоявшемся у него знакомстве с мичманом Врангелем: «Я имел удовольствие видеть господина Врангеля, которому повторил уверения, сделанные мною вам, что он непременно будет назначен на отправляемый в Камчатку фрегат, если командиром на оном пойдет господин Рикорд или я. Вам же, милостивый государь, я весьма обязан, что вы доставили мне случай узнать хорошего офицера»⁸¹.

По возвращении из плавания в письме от 14 ноября 1819 г. Головнин не преминул еще раз поблагодарить Крузенштерна «за доброе ко мне расположение, в числе коих рекомендация ваша господину Врангелю, по которой я взял его с собой»; он был чрезвычайно «доволен службою и поведением сего достойного офицера»⁸². Ответное послание не замедлило себя ждать: «Крайне приятно мне узнать от вас самых, — писал Крузенштерн, — что вы довольны г. Врангелем, и премного вам благодарны, что вы изволили его назначить в новую экс-

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 29.

⁸² Там же. Л. 33—34.

педицию». При этом адмирал не преминул указать на «ревность его (Врангеля, — Д.К.) к морской службе»⁸³.

Вторая часть письма раскрывает механизм покровительственного «участия». «Он (Врангель, — Д.К.) мне сказывал, что вы изволите назначить в каждую экспедицию натуралиста, знающего в медицинском искусстве. Позвольте мне вам рекомендовать двух весьма способных на то особ, оба не иностранцы, а уроженцы *здесь губернии* (курсив мой, — Д.К.). Первый доктор Энгольц⁸⁴, бывший лекарь на «Рюрике», другой также доктор медицины Бэр, сын эстляндского дворянин и ландграфа Бэра... Первый ныне в Кёнигсберге профессором анатомии и человек большой репутации в ученом свете. Он присяжал сюда недавно и сказывал мне, что оставит Кёнигсберг и страстно желает видеть Сибирь и берега Ледовитого моря... оба люди отличных достоинств»⁸⁵.

Показательно, что участие Крузенштерна в определении обоих немцев простипалось достаточно широко и охватывало, в частности, финансовые вопросы. Он сообщал Головнину, что Энгольц «человек весьма бедный... ничего не имеет», и поэтому, «сколь не велико его желание путешествовать в Сибири на собственном иждивении, не может предпринять сей экспедиции». Вполне резонно тогда выглядит и постановка адмиралом вопроса о размерах его жалования⁸⁶. И действительно, возможно ли было оказывать покровительство тому или иному офицеру, не принимая участия в решении вопросов бытового характера?

Возвращаясь к предыстории первой русской кругосветной экспедиции, мы обнаруживаем, что собственно протекция и решение финансовых вопросов были процессами параллельными и зачастую зависели от личной предрасположенности и симпатий командира. Тем более что большие полномочия, полученные руководителем экспедиции, позволяли снимать острые вопросы. Осенью 1802 г. три офицера (И. Гамалея, П. Макаров, Ф.И. фон Ромберх), входившие в определенный уже предварительный состав экспедиции, поставили перед руководством РАК и Крузенштерном серию финансовых требований,

⁸³ Там же. Д. 252, л. 54.

⁸⁴ Здесь и далее в письме подчеркнуто Крузенштерном.

⁸⁵ Там же. Д. 252, л. 55—55 об.

⁸⁶ Там же.

«кондиций». В числе условий фигурировали: высокое жалование (3 тыс. рублей) и столовые деньги (1 тыс. 200 руб.); пенсия от РАК по возвращении в Кронштадт (700 руб.); четкое определение времени, места и порядка выплат; назначение пенсии членам семьи офицера, умершего в ходе экспедиции, и т. д.⁸⁷ Командир экспедиции был до крайности встревожен таким оборотом дела. Опасаясь «несогласия капитана и офицеров» и возможных инцидентов, ратуя за военную дисциплину, он предупреждал Мордвинова в письме от 1 ноября 1802 г.: «Не соглашусь служить с офицерами, которые вместо дружеского ко мне расположения оказывают себя совсем с противной стороны». По-видимому, участие в плавании Гамалеи и Макарова — вопрос для Крузенштерна решенный; — вместо них он искал, «других, лучше ко мне расположенных». Что касается Ромберха, то начальник экспедиции ему «не отказывает», как явствует из того же письма⁸⁸. Сам же Крузенштерн — человек, фанатично преданный науке, соглашался принять участие в плавании, хотя, как он писал, «отбытие мое на долгое время разстроит домашние мои обстоятельства»⁸⁹, и был готов принять финансовые условия РАК⁹⁰. Весной 1803 г. вопрос об участии в экспедиции Гамалеи и Макарова разрешился окончательно: «Так как господин Крузенштерн не мог выполнить эти условия... он отказал этим господам», — записал в своем «Дневнике» участник плавания мичман Г. фон Левенштерн⁹¹. Судя по этой записи, Левенштерн полагал, что именно мнение Крузенштерна как командира плавания определило судьбу офицеров, исключенных из состава экспедиции. Однако необходимо, на наш взгляд, внести поправку: мнение Крузенштерна не столько даже стало решающим, сколько склонило чашу весов в пользу именно такого решения. Еще осенью 1802 г. Мордвинов — а он был

⁸⁷ Текст кондиций см.: РГАВМФ. Ф. 204, оп. 1, д. 55, л. 7–8; Eesti Ajalooarhiiv (Таллин). 1803. F. 1414, № 3. S. 3. 15/27 Mai.

⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 204, оп. 1, д. 55, л. 9 об.–10.

⁸⁹ В конце 1802 г., в канун отправления в плавание, у Крузенштерна родился сын-первенец. В контексте предмета нашей статьи обращает на себя внимание тот факт, что восприемником при крещении новорожденного был министр морских сил.

⁹⁰ РГАВМФ. Ф. 204, оп. 1, д. 55, л. 9 об.

⁹¹ Eesti Ajalooarhiiv...

согласен с раздраженными высказываниями Крузенштерна в адрес его коллег — также ратовал за жесткие решения. «Морскому офицеру, посвятившему себя на службу, — отвечал он 15 ноября Крузенштерну, — за честь должно поставить то, чтобы совершить столь знаменитый и первый в России предпринимаемый вояж»⁹². Из сохранившейся переписки Крузенштерна с Мордвиновым не видно, в какой степени был инспирирован следующий шаг ministra, который «преисполнен... будучи соболезнованиям таковых поступках господ офицеров... не мог решиться иначе, как доложить об них государю императору». Как следует далее из письма, «Его императорское величество высочайше соизволил изключить их из списков и на место их избрать других»⁹³. Показательно, что Ромберх — единственный из «мятежников», оставшийся в составе экспедиции, к моменту аудиенции Мордвинова у императора находился в Петербурге. Он поехал в столицу по заданию Крузенштерна для доставки писем, в частности руководству РАК, и, как писал последний Мордвинову, «поехал отсюда (из Ревеля, — Д.К.) моим приятелем, и я не без надежды, что он останется верен своему слову, данному мне при отбытии»⁹⁴.

Лояльность Ромберха определила его судьбу. Левенштерн вспоминал, что когда весной 1803 г. уполномоченный Крузенштерна капитан-лейтенант М.И. Ратманов «сделал предложение принять участие в этом путешествии мне, Х. Левенштерну [H. Loewenstein] и Беллинггаузену [Bellingshausen], Ромберх также согласился на все, его только сбили с толку те двое»⁹⁵. Спустя несколько дней Левенштерн «поехал в Ревель, чтобы

⁹² РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 227, л. 42.

⁹³ Там же. Л. 42 об.

⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 204, оп. 1, д. 55, л. 10. Специальная «миссия» Ромберха важна в свете произошедшей в те дни смены руководства морским министерством — Мордвинова сменил П.В. Чичагов. Любопытно, что в одном из своих писем Крузенштерну Ромберх в декабре 1802 г. сообщает: «Чичагов также, по-видимому, начинает брать участие в экспедиции нашей» (РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 233). Это позволяет предполагать, что задачи, поставленные Крузенштерном перед своим помощником, выходили далеко за рамки «почтальонских услуг» и распространялись на сферы конкретных договоренностей о подготовке и организации плавания.

⁹⁵ Eesti Ajalooarhiiv...

принять матросов, которых господин Крузенштерн отобрал из тамошних команд», а затем на транспортном судне «Катарина-Магдалина» отправился в Петербург⁹⁶.

Разумеется, покровительство не ограничивалось лишь временем службы. Патрон не оставлял клиента и по окончании службы, а в случае смерти или тяжелой болезни мог оказывать услуги его семье, выступая ходатаем за нее. Так, не была забыта Крузенштерном семья упомянутого Ромбера, скончавшегося через несколько лет после осуществления кругосветного плавания. Сообщая об этом в мае 1814 г. морскому министру адмиралу И.И. де Траверсе, Крузенштерн специально оговаривал, что второй лейтенант «Надежды» «оставил жену и малолетнего сына без малейшего имущества». Он и ранее просил от казны обеспечить пенсию семье в размере тысячи рублей, однако выделенная сумма оказалась несоизмеримо меньшая — 400 рублей. «Если бы император дал 1000, то я сие почел бы великою для меня наградою», — резюмировал Крузенштерн⁹⁷.

Покровительство, оказываемое самим Крузенштерном, — только одна сторона вопроса. Крузенштерн как патрон не должен затенить фигуру Крузенштерна как человека, с одной стороны, самого протежируемого свыше, а с другой — крайне заинтересованного в создании определенного круга лиц, связанных взаимными услугами. Его переписка обрисовывает очень широкий социальный фон, на котором сам адмирал «лицедействует», создавая настоящие типажи, образы протекции. Он и проситель/пристраиватель многочисленных родственников, и посредник в делах своих давних знакомых, и «обожженный» несправедливостями, больной, старый заслуженный адмирал, и любезный администратор, готовый охотно откликнуться на просьбу то старого коллеги, то приближенного ко двору генерала, и т. д. Попробуем охарактеризовать каждый из приведенных «тиражей» адмирала.

Проситель. Одно из приоритетных направлений в переписке

⁹⁶ Не обошлось и здесь без «посредничества» Крузенштерна, так как командующий Ревельской эскадрой адмирал Е.Е. Тет предполагал отправить Левенштерна в Петербург в качестве командира судна. «С трудом избавился я от того... и поехал пассажиром» — трудно сказать, как мог быть решен вопрос, если бы сам Крузенштерн не приехал в Ревель.

⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 166, оп. 1, л. 2663, л. 123.

Крузенштерна — протектирование своих детей и родственников. Так, в 1836 г. мы обнаруживаем адмирала крайне озабоченным устройством на службу своего младшего сына. После окончания Царскосельского лицея он попал в Департамент иностранных дел, где служил чиновником 10-го класса. Семья же стремилась определить его в лейб-гвардии Драгунский полк, для чего требовалась санкция Николая I. В письме к военному министру графу А.И. Чернышеву Крузенштерн не просто ратовал о подобной милости, но и ссылался на имевшиеся precedents. «Я не смел бы испрашивать себе сей милости, если бы не имел в виду пример над бывшим сотоварищем моему сыну по Лицю, Бреверном, которому таковая милость оказана приятием прапорщиком лейб-гвардии в Волынский полк»⁹⁸. В ноябре того же года дело благополучно завершилось. В письме к светлейшему князю А.С. Меншикову, датированном 13 января 1843 г., Крузенштерн просит «простить мою смелость с тою снисходительностию, которая неразлучна с истинным гением. Высокое покровительство, коего Ваша светлость удостаиваете одного из сыновей моих, имеющего неоцененное щастие состоять уже двенадцатый год при Вас, Светлейший князь, возродило во мне желание открыть и младшему сыну моему, служащему в Лейб-Гвардии Драгунском полку поручиком, столь же лестное поприще, прося Вашей светлости о назначении его адъютантом при высокой особе вашей...»⁹⁹. Когда старший сын адмирала Николай был произведен флигель-адъютантом, Крузенштерн благодарил светлейшего князя, усматривая в данной ему милости «особенное для меня щастие»¹⁰⁰.

В делах близких адмирал проявлял неуемную энергию и вел, занимаясь их устройством на службу, переписку со многими корреспондентами. Один из них — доверенное лицо Николая I генерал-адъютант Пётр Андреевич Клейнмихель. И он, и Крузенштерн неоднократно обращались друг к другу с похожими просьбами. В апреле 1827 г. Клейнмихель обратился к адмиралу с ходатайством об устройстве и взятии под «несмилостивое

⁹⁸ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 256, л. 104 об—105.

⁹⁹ Там же. Д. 252, л. 50.

¹⁰⁰ Там же. Д. 255, л. 33.

покровительство» Егора Деденева из Пскова¹⁰¹. В мае 1833 г. он заверил Крузенштерна в доброжелательном отношении к его просьбе за «родственника» прапорщика Гиппиуса, которого хотели перевести из Ямбургского уланского полка в 39-й Егерский. «Поставляя для себя приятнейшим долгом сделать вам угодное, — писал он Крузенштерну, — я буду иметь в виду Гиппиуса, для перевода в означенный полк при первом открытии вакансии»¹⁰². Интерес представляет серия писем к Клейнмихелю за 1835 г., в которых Крузенштерн просит за сыновей покойного купца 1-й гильдии Краузе Максимилиана и Отто. Из-за происхождения их нельзя было устроить вольноопределяющимися, но Крузенштерн прилагал все возможные усилия. В мае 1835 г. он отписал Клейнмихелю о готовности командира Севастопольского уланского полка, «командир коего родной мой племянник», принять их¹⁰³. В ноябре того же года Крузенштерн, крайне обеспокоенный ходом дела, «раскрывает карты». «Не предвидя таких затруднений в определении в военную службу детей купцов, я был причиною, что они были приняты в службу из чужих краев. Если они не будут приняты в службу, то для них, принявший на себя попечение о воспитании сих сирот, совершенно не знает, куда их девать, ибо они не хотят возвратиться в Германию». Адмирал готов сам приехать к Клейнмихелю для переговоров по столь важному для него делу и умоляет: «Не откажите мне в сей просьбе...»¹⁰⁴

Любезный администратор. Недоумение Крузенштерна вполне объяснимо. Находясь на посту директора Морского корпуса, адмирал неплохо представлял пути, следуя которыми при желании можно было избежать или преодолеть возникающие недоразумения. Тем более если это касалось круга лиц, связанных с адмиралом профессиональными интересами и занимавших высокое место в военно-морских кругах. Среди просителей мы обнаруживаем немало известных деятелей. «Вы мне обещали племянника моего, кадета Александра Губерти, слабого по фронтовой части, но хорошего по наукам, произвестъ в гардемаринъ,

— напоминал директору Корпуса генерал-адъютант, вице-адмирал П.А. Колзаков в письме от 16 января 1837 г., — и вы мне сказали, что когда его отец приедет, вам дать знать. Вчерашняго числа он ко мне приехал. Зделайте мне одолженье, произведите его сего дня и прикажите ему якоря нашить. Я ручаюсь за него, что он и фронтовой будет хороший, у него и наружность, если мы его вымуштруем. Отцу будет очень больно, ежели он его увидит не гардемарином, так как он сего дня его увидит...»¹⁰⁵ «Родной племянник мой, гардемарин Павел Коробка, пишет мне, что он экзаменуется в мичманы, я прошу Вашего превосходительства принять его как сироту», — уверевал Крузенштерна отставной вице-адмирал М.П. Коробка. В августе 1835 г., ходатайствуя за своего внука Семёна, президент Российской академии адмирал А. С. Шишков не без намека просил «удостоить его вашим милостивым вниманием, которое я приму за приятный знак обязательного расположения ко мне (курсив мой, — Д.К.)». Он не ошибся, возлагая надежды на адмирала. «Хотя сын отставного корнета Шишкова, Александр, по происхождению своему не имеет права на определение в Морской кадетский корпус, — писал в ответном послании Крузенштерн, — но был принят мною в оный в числе пенсионеров по числу уважения, что он есть внук вашего высоконпревосходительства». Через два года «экстренным кандидатом» был определен в Корпус и второй внук Шишкова, Владимир¹⁰⁶. Среди корреспондентов адмирала мы находим и другого бывшего министра, уже упоминавшегося Н.С. Мордвинова. В письме от 9 октября 1827 г. он благодарил своего бывшего подчиненного за «внимание к ходатайству о недоросле Лихареве»¹⁰⁷. Спустя три года Мордвинов выступил просителем за своего «старого сослуживца... вице-адмирала Языкова», внуки которого состояли кандидатами в Морской корпус. «Всегдашия искреннейшая дружба моя с дедом их налагает на меня священнейшую обязанность быть за них ходатаем», — писал он Крузенштерну и просил поместить обоих в Корпус¹⁰⁸.

¹⁰¹ Там же. Д. 253, л. 28.

¹⁰² Там же. Д. 216, л. 29—29 об.

¹⁰³ Там же. Д. 252, л. 110.

¹⁰⁴ Там же. Л. 112.

¹⁰⁵ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 217, л. 6.

¹⁰⁶ Там же. Оп. 6, д. 34, л. 97—107.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 1, д. 227, л. 43.

¹⁰⁸ Там же. Л. 44.

О том, насколько зависела от воли директора Корпуса будущая судьба того или иного кадета, свидетельствует «слезная» мольба одной из корреспонденток Крузенштерна — Анастасии Михаловской, урожденной княжны Долгоруковой (декабрь 1832 г.). «Умоляю Вас на коленях со слезами именем самого господа Бога, — начиналось это послание. — Не выгоняйте нашего сына Александра из Корпуса, довершите ваши благодеяния, благодетельнейший начальник и отец, я лежу больна, и нет сил приехать и упасть к ногам вашим, не погубите сию заблудшую овцу... сие новое благодеяние оживит меня и воскрешит бедного моего мужа, которой чрезвычайно... растроен, не много надо по его летам и его слабому здоровью, я, право, не так много прошу для сына, как для отца»¹⁰⁹.

Разумеется, далеко не все решения могли зависеть от воли «любезного администратора». Когда в дело вмешивались высшие инстанции, то адмиралу оставалось лишь подчиниться. В январе 1836 г. из Инспекторского департамента за подписью вице-директора капитана 1-го ранга М.Н. Лермонтова пришел запрос, «которым по списку кандидатов... состоит недоросль Шварц и скоро ли может поступить он в комплект». О скорейшем решении дела проявлял озабоченность канцлер российских орденов, действительный тайный советник князь А.Н. Голицын. В ответе Крузенштерна (16.01.1836) сообщалось, что Шварц состоит 200-м и поступить сможет не ранее чем через три года. Однако уже через десять дней в рапорте, направленном в Инспекторский департамент, Крузенштерн доносил: «Во исполнение высочайшей воли, объявленной мне, кандидат Михаил Шварц зачислен экстренным кандидатом сего корпуса»¹¹⁰.

Старый заслуженный адмирал. Каждый год летом Крузенштерн отъезжал в свое родовое имение Асс, в Эстляндии, в отпуск, сдавая дела подчиненным. Сроки отпуска могли сдвигаться, но неизменно это были летние месяцы, о чем регулярно сообщают записи в делах Морского корпуса. Многогранная деятельность адмирала, длительные плавания, научные «штудии» серьезно подорвали его здоровье. Еще в молодом возрасте

он постоянно жаловался на недомогание, ездил лечиться за границу, находился под наблюдением врачей. Неудивительно в данной связи прошения, которые Крузенштерн постоянно подавал начальнику Главного морского штаба светлейшему князю А.С. Меншикову. Так, 22 апреля 1830 г. он писал: «Чувствуя с давнего времени расстройство в здоровье своем, более и более усиливающееся, по совету пользующего меня лейб-медика г. Гарде, я считаю для себя необходимым перемену воздуха и употребление морских ванн. Хоть не без искреннего сожаления думаю об отлучке, и на самое короткое время, от должности, мною занимаемой; но, с другой стороны, не могу не уважить и советов, данных мне относительно здоровья...»¹¹¹ Письма, направляемые светлейшему князю, приобретали все более драматическую тональность; к 1840 г. дело явно шло к увольнению с поста директора Корпуса. Тогда Крузенштерн просил отпуск уже на пять месяцев, он жаловался на «боли в лице, усиливающиеся при малейшей простуде, которой я часто подвергаюсь»¹¹². Когда же увольнение состоялось, Крузенштерн обратился к Меншикову с просьбой посодействовать в прибавлении квартирных денег. Он жаловался, что «бывшему директору Морского кадетского корпуса адмиралу Карцову при оставлении им службы при Корпусе было всемилостивейше повелено производить на наем квартиры по 5000 р. в год в замен, как сказано в повелении, квартиры, которую он занимал в корпусе». Крузенштерн обращал внимание на то, что «Карцов был одинокий человек, а я имею большое семейство и по этому, равно как и по званию моему, должен поддерживать в наем квартиры гораздо более получаемых по положению квартирных денег»¹¹³.

Многогранная, богатая психологическими нюансами фигура адмирала, естественно, не исчерпывалась предложенной нами палитрой «типажей». Это лишь верхний тонкий слой в многообразной практике Ивана Фёдоровича в качестве администратора. При более широком охвате проблемы в целом можно увидеть, что за фигурой отдельно взятого руководителя про-

¹⁰⁹ Там же. Л. 20.

¹¹⁰ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 6, д. 34, л. 26–28. Михаил Павлович Шварц стал впоследствии контр-адмиралом, а его брат Сергей — адмиралом.

¹¹¹ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 255, л. 6.

¹¹² Там же. Л. 21–21 об.

¹¹³ Там же. Л. 30–31.

сматривается своего рода типичный случай — поведенческая стратегия управленца, военного человека, государственного служащего, всей своей жизнью и деятельностью связанного с системой управления, внутри которой он действует как руководитель института, являвшего собой социальный слепок флотского мира как такового.

Морской корпус и «немецкие» симпатии

Второй аспект проблемы касается сословной природы морского офицерства. Выступая своеобразным профессионально-дворянским учреждением, российский флот во второй четверти XIX в. предъявлял жесткие требования к «чистоте» рядов служивших в нем офицеров. Определяющую роль при поступлении будущего офицера на военно-морскую службу играло его дворянское происхождение — без подтверждения дворянства зачисление в состав Морского корпуса было невозможно. Однако система подготовки офицерских флотских кадров в 20—50-е гг. XIX в. столкнулась с серьезными трудностями, возникшими по кардинальному вопросу — относительно приема дворян в Корпус. И.Ф. фон Крузенштерн, прия на пост директора Корпуса, обнаружил отсутствие «непременных... постановлений и правил» о приеме кадетов. В рапорте А.С. Меншикову от 8 октября 1829 г. он жаловался на бесконечные затруднения, к которым приводит отсутствие единых согласованных принципов для определения критериев поступления¹¹⁴. Согласно правилам 1756 г., которыми руководствовалось корпусное начальство, следовало принимать кадетами русских и иностранных дворян при предоставлении ими соответствующих свидетельств о происхождении, а иностранцами, дополнительно, — и присяги на подданство. Однако Крузенштерн обратил внимание на Устав Сухопутного шляхетного кадетского корпуса 1766 г., где указано: «...в число дворянских детей принимать и тех, коих отцы по крайней мере в штаб-офицерских чинах действительно служили»¹¹⁵. При этом адмирал добавлял, что в практику Морского корпуса

¹¹⁴ РГАВМФ. Ф. 432, оп.1, д. 2002, л. 1—2.

¹¹⁵ Там же. Л. 3.

входил и прием не только детей штаб-офицеров, но и «прижитых их отцами... в обер-офицерских чинах»¹¹⁶. «Жалованная грамота дворянству» расширила прием в кадеты на дворян, внесенных во 2-ю часть родословных книг, т. е. на детей военных обер-офицеров. Донуская «различные отступления», принимали также детей военных, награжденных российскими орденами, которые пользовались правами, предоставленными российско- му дворянству. Более того, в случае предоставления свидетельств двенадцати благородных особ, «коих дворянство не подлежит никакому сомнению — в том, что отец и дед их вели благородную жизнь или состояние, или службу, сходственную с дворянским званием»¹¹⁷, поступить в корпус могли дети не из дворян.

Крузенштерн вынужден был констатировать отсутствие четких правил, большую долю пристрастий и личное участие бывших директоров в устройстве кадетских дел. Сам же он выступает противником приема детей «не из коренных дворян», заявляя, что данные лица могут «иногда» оказаться даровитыми и полезными для службы, но «дети людей, происшедшие из низкого состояния, обыкновенно грубы в нравах и, не имея первоначального нравственного образования, также менее успевают в высших науках, нежели дети благородных и образованных родителей»¹¹⁸. Оказавшись в сложном положении, когда располагая списком из 250 человек, зачисленных в комплект, и имея «до 150» прошений об определении, он мог заполнить только до 60 вакансий, Крузенштерн предложил свой вариант упорядочения системы поступления. Во-первых, принимать в корпус детей собственно морских офицеров, т. е. офицеров флотских. Во-вторых, — детей флотских, перешедших из морской службы в гражданскую или военную. В-третьих, — детей от «природных» дворян или в том случае, когда «их отцы при их рождении были уже в штаб-офицерских чинах»¹¹⁹. Эти предложения были отражены в правилах приема в Морской кадетский корпус, причем в 3-м пункте было сказано — «дети при-

¹¹⁶ Там же. Л. 3.

¹¹⁷ Там же. Л. 3 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 4 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 6.

родных дворян, внесенные в 4, 5 и 6-ю части дворянских родословных книг». Но в высочайшем повелении от 2 июня 1830 г., подготовленном по записке Круzenштерна, было сказано — «дети природных дворян». Обе эти формулировки подразумевали лиц разного происхождения. Природные дворянами могли быть дети лиц, получивших дворянство пожалованием в чин, дающий преимущества сословия. В 4-ю же, 5 и 6-ю книги вносились соответственно все иностранные роды, вступившие в подданство России, роды, отличенные титулами, и древние благородные дворянские роды. Круzenштерн, размышляя о недостатках системы поступления и столкнувшись с трудностями в выборе кандидатов, непроизвольно смешал оба понятия. Считая необходимым руководствоваться регламентом 1756 г. и не допускать к поступлению детей «не из коренных дворян», он предложил принимать в Корпус «детей, родившихся от действительных природных дворян», понимая под ними собственно коренных дворян древних родов». В результате в высочайшем повелении было записано «детей природных дворян», а Круzenштерн понималось нечто иное, меньшее, т. е. коренные дворяне, записанные по закону 1785 г. в 4—6-е части родословных книг.

Подобное недоразумение, допущенное в «Правилах» о приеме в кадеты Морского корпуса и разъясняемое каждый раз при возникновении сложных ситуаций, являлось вполне характерным для процессов кодификации, унификации и регламентации николаевского законодательства с их тенденцией замены традиций законами. Однако законодательная недоработка неминуемо приводила к сложностям, возникавшим в конкретных случаях поступления, и решение их зачастую оценивалось не от буквы постановления, а от желаний и воли частных лиц. Директор же Морского корпуса, оставец с огромным авторитетом в военно-морских и научных кругах, превратился в одну из ключевых фигур, с его именем было связано немало дел о приеме в корпус детей немецкого происхождения, не всегда имевших на это право.

Немалые трудности пришлось преодолеть при зачислении в Корпус сына коллежского советника К.И. фон Шванхайма, Егора. В 1831 г. император Николай I, словно предчувствуя возможные осложнения с этим делом, повелел определить Шванхайма-младшего кандидатом, сделав оговорку: «...буде нет за-

конного препятствия»¹²⁰. Препятствия не замедлили обнаружиться вскоре после предоставления бумаг из Петербургского дворянского собрания. В соответствии с полученными оттуда ответами стало ясно, что «указом Герольдии определено внести сей род в 3-ю часть дворянской родословной книги». «За сим постановлением, — писал Круzenштерн в декабре 1831 г., — я не могу учинить распоряжения по внесению... Шванхайма... в число кандидатов». Отказ был получен просителем и от начальника Главного морского штаба. В декабре документы были возвращены, но дело на том не закончилось.

Проситель, уже два года собирающий нужные бумаги и вступивший в переписку с Петербургским дворянским собранием, не отступал и в январе 1833 г. возобновил свои усилия. Его аргументация выглядела следующим образом. Во-первых, как утверждал Шванхайм, его род еще 15 декабря 1789 г. был записан в 4-ю часть родословной книги Петербургской губернии с утверждением в баронском достоинстве. Тогда Собрание руководствовалось представленными документами, подписанными посланником Ганновера при российском дворе. «Теперь же, — писал Шванхайм, — Герольдия находит сих бумаг недостаточным, указом от 2 ноября 1831 г. предписало внести меня в 3-ю часть, не именуя бароном»¹²¹. По его же мнению, баронский род фон Шванхаймов вообще следовало записать в 5-ю часть родословных книг.

Во-вторых, испрашивая поддержки в своем ходатайстве у Круzenштерна, Шванхайм сообщал, что ждет из Ганновера ответа на свой запрос. Однако при этом делился опасениями, что «ответ из чужих краев» может затянуться, а сыну его уже меж тем 12 лет — медлить с определением больше нельзя. Наконец, проситель, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, ссылался на записи в патентах на чины прапорщика и полковника, где он был назван бароном¹²². 22 января 1833 г. Круzenштерн представил прошение морскому министру А.В. фон Моллеру, а спустя шесть дней получил соизволение императора на запись сына фон Шванхайма в кандидаты.

¹²⁰ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 6, д. 34, л. 40 об.

¹²¹ Там же. Л. 38.

¹²² Там же. Л. 39.

Характерная переписка велась между Петербургом и Николаевом в связи с вопросом о зачислении в Корпус братьев Петра и Михаила Швенднеров, сыновей умершего чиновника Херсонского адмиралтейства. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.С. Грейг заручился высочайшим разрешением о включении их на вакансию «в уважение усердной службы отца и не достаточного состояния матери их»¹²³, и морской министр в декабре 1828 г. известил об этом директора Корпуса. В марте 1829 г. братья были направлены в столицу с письмом Грейга, в котором последний «побуждал» Крузенштерна «о принятии оных в особенное свое покровительство»¹²⁴. Когда же пришли документы, выяснилось, что братья не только не соответствуют правилам поступления, но и возраст одного из них (9 лет) противоречит требованиям высочайшего повеления от 17 января 1829 г., определявшего возраст поступавших в число кадетов не младше 10 лет. В апреле Крузенштерн, обремененный сходными просьбами, словно жалуясь на безмерную усталость от постоянного лавирования и изыскания способов обойти препятствия, напишет Грейгу о том, что «весьма часто получаемы мною на разсмотрение свидетельства о происхождении... недорослей, подобные вышеупомянутым», и заверит его во «всевозможном внимании» к этому делу¹²⁵.

Возможно, адмирал имел в виду нечто, подобное тянувшимся с 1823 г. просьбам о зачислении в Корпус двух недорослей, одним из которых был В.М. Гильдебрандт. Проситель, Пётр Андреевич Стахиев, коллежский советник из Городка Витебской губернии, в письме на имя Крузенштерна от 15 марта 1828 г. сетовал, что «в 1827 г. в мае был выпуск 57 человек...», а его «питомцы» не были занесены в комплект. Единственный родственник, который мог бы походатайствовать за мальчиков, капитан П.С. Нахимов, ушел в кампанию в Средиземное море. «Между тем я, имев честь служить вместе с вами с 790-го по 794-й годы на Ревельской ескадре под предводительством Василия Яковлевича Чичагова, видя таковое затруднение родителей о их детях... дерзаю... вас утруждать и испрашивать из-

¹²³ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 6, д. 34, л. 51.

¹²⁴ Там же. Л. 53–53 об.

¹²⁵ Там же.

вестительного разрешения, могут ли сии недоросли ласкаться надеждою (и скоро ли именно) быть принятые в Морской корпус под ваше покровительство и отеческими вашими печениями сделаться достойными следовать по стезям вашим, столь прославившим росийское мореходство»¹²⁶. Надо полагать, Крузенштерн был немало удивлен появлению так долго не дававшего о себе знать однополчанина, так же как и он участвовавшего в Выборгском сражении против шведов, но служившего на другом корабле¹²⁷.

В обход установленных правил был зачислен кандидатом в Корпус осенью 1837 г. Иоган Габриэль Георг фон Шведер, пятый сын лифляндца инженер-полковника Б.И. фон Шведера, род которого был записан в 3-ю часть Петербургской родословной книги¹²⁸. В сохранившемся черновике рапорта, направляемого Крузенштерном в Инспекторский департамент морского министерства, записано следующее: «Хотя полковник Шведер по происхождению своему принадлежит к таким дворянам, которые, за силою последних постановлений, не имеют права на определение детей в кадеты Морского корпуса, но в уважении ходатайства контр-адмирала Куличкина я имею честь представить инспекторскому департаменту морского министерства о зачислении недоросля Шведера в кандидаты по сему корпусу»¹²⁹. Получив согласие, Крузенштерн в письме от 29 ноября сообщал Куличкину об определении Шведера в 64-ю роту Александровского корпуса¹³⁰.

Впрочем, деятельность Крузенштерна — только отдельно взятый аспект проблемы «немецких» влияний. Показательно, что в ряде случаев обнаруживается и прямое вмешательство «высочайшей власти» в дела по приему кадетов. Характерен «Список недорослям, определенным в Корпус в кадеты по особым высочайшим повелениям», датированный 19 января

¹²⁶ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 1, д. 2002, л. 123–124.

¹²⁷ Крузенштерн служил на «Мстиславе», а Стахиев — на «Святом Георгии Победоносце» и был уволен со службы 31 декабря 1803 г. в чине капитан-лейтенанта.

¹²⁸ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 5, д. 4977, л. 3.

¹²⁹ Там же. Оп. 6, д. 34, л. 47.

¹³⁰ Там же. Л. 49.

1829 г.¹³¹ Он состоит из двух частей и хронологически охватывает 20-е гг. XIX в. В список внесено 45 человек, из них к остзейско-германской группе относятся 11 подростков, среди которых братья Д. и Н. Фридерикс, П. и М. Швенднеры, Н. и М. Вейсы, а также Э. Коцебу, П. Берх, А. Ширман.

Таким образом, анализ деятельности директора Морского корпуса адмирала И.Ф. фон Крузенштерна позволяет вскрыть механизмы патроната на флоте и усмотреть в этом явлении «немецкую составляющую»: истоки последней — остзейское происхождение и фамильно-родственные связи адмирала. При этом широкое привлечение на флот представителей немецкого дворянства, не только «коренного», но и «природного», выступало важнейшим рычагом формирования «немецкой партии» на флоте. На примере деятельности Крузенштерна мы не только обнаруживаем механизмы влияния патроната «с немецким лицом» на Российский флот, но и сталкиваемся с достаточно широким, а в ряде случаев и с избирательным толкованием понятия «дворянства» в контексте российской истории XIX в. Это тем более знаменательно, что кадровая политика Морского ведомства была направлена на укрепление профессионально-сословных устоев морской офицерской службы.

¹³¹ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 1, д. 2002, л. 75–77.